

Огай Мори никак не мог взять в толк, почему политики, еще недавно обещавшие ему полную поддержку, вдруг в один голос сменили тон.

— Ринтаро, ты так совсем облысеешь, — Элис с брезгливым недовольством посмотрела на доктора.

Мори сидел, низко опустив голову и запустив пальцы в растрепанные волосы. Всем своим видом он являл картину полного уныния.

— Элис, ступай поиграй с Акико, — сухо бросил он.

У Мори не осталось сил подыгрывать капризам собственного эспера и разыгрывать семейную идиллию. Он просто хотел поскорее её спровадить.

— Ну и злюка ты, Ринтаро!

Топнув ножкой, Элис всё же послушно удалилась.

Доктор тяжело, со свистом выдохнул.

Он вскинул голову. Белки его глаз покрывала тонкая воспаленная сетка лопнувших капилляров. Последние дни превратились для него в сущий кошмар. «Бессмертный легион» — проект, бывший его величайшей гордостью, детище, призванное доказать всему миру его неопценимую полезность, — теперь находился на грани полного уничтожения.

На него ополчились два влиятельнейших клана, которые прежде даже не пересекались, и Мори совершенно не понимал, кто дергает за ниточки у него за спиной.

Это гнетущее ощущение беспомощности и ускользающего контроля сводило с ума. Но дать слабину было нельзя. Стоило выказать хоть каплю неуверенности, как недоброжелатели, давно искавшие повод избавиться от него, тут же вцепятся ему в глотку.

«Акико Ёсано... Её я упустить не могу. Ни в коем случае»

Если «Бессмертный легион» будет распущен, её способность «Не отдавай, любимый, жизнь свою» останется единственным козырем, способным перевернуть доску.

Взгляд Мори потемнел. Мысли его лихорадочно выстраивали новые комбинации, просчитывая каждый возможный шаг.

— Акико, я пришла поиграть! — Элис с лучезарной улыбкой впорхнула в лазарет, где Ёсано приводила в порядок медикаменты.

— Элис? Что ты здесь делаешь?

Ёсано не подозревала, что эта милая девочка — эсперское воплощение Огая Мори. Она лишь видела, что та повсюду таскается за доктором, хотя дочкой ему не приходится. А потому никакой угрозы в ней не видела.

Элис как бы невзначай покрутилась по комнате. Убедившись, что Аль-Хайтама поблизости нет, она ласково прильнула к Акико и обняла её за руку.

— Просто я соскучилась!

— Ну ладно, — выдохнула Ёсано.

Она списывала такую привязчивость на малый возраст девочки. Элис никогда не отправляли на передовую, максимум — просили принести бинты или помочь по мелочи ей самой или доктору.

— Слушай, а можно мне пожить у тебя? Ну пожа-а-алуйста! Ринтаро в последнее время стал таким противным и невыносимым!

Элис сладко заглядывала ей в глаза, но от этой ласковой улыбки у Акико по спине пробежал холодок — слишком уж она напоминала ужимки самого Мори.

— Нет, — отрезала Ёсано прежде, чем успела подумать.

— Но почему?

—...

Акико замаялась. Объяснить свою интуитивную неприязнь она не могла, а потому принялась торопливо придумывать отговорки — мол, у неё в комнате жуткий беспорядок, да и тесно там, двум людям никак не поместиться.

— Ты меня разлюбила, да?

Элис надула губки. Ей ничего не стоило соорудить такую несчастную и жалобную гримасу,

словно её только что бездушно выставили на мороз.

— Да. Именно так. Она тебя терпеть не может.

От этого внезапного резкого голоса Ёсано едва не расплакалась от облегчения, хотя бесцеремонность, с которой прозвучали эти слова, заставила её мысленно закатить глаза.

Встретившись взглядом с вошедшим Аль-Хайтамом, Элис вцепилась в плечо Акико мертвой хваткой. Пальцы девчонки сжались с такой неожиданной силой, что Ёсано тихонько охнула от боли.

— Акико, это правда? Ты правда меня ненавидишь, как говорит этот тип?

Глаза Элис недобро сузились. Задавая вопрос вкрадчивым, настойчивым тоном, она незаметно завела свободную руку за спину.

— Я...

Детская навязчивость Элис действительно давно раздражала Акико, слишком явно напоминая о докторе, но сказать такое прямо в лицо ребенку она не решалась.

— Ну что ж... Тогда Элис сама во всём разберётся!

В то же мгновение Элис выхватила из-за спины шприц и с размаху вогнала иглу в шею Акико. Ёсано даже пикнуть не успела, как её тело обмякло. Перехватив падающую девушку одной рукой, вторым движением кукла вытащила из складок платья револьвер и, не глядя, выстрелила в сторону метнувшегося к ним Аль-Хайтама.

— До чего же ты наивная, Акико!

В этом скверном, извращенном коварстве сквозила вся мерзкая натура её создателя.

Сделав ещё несколько быстрых выстрелов, чтобы заставить Хайтама укрыться, кукла подхватила бесчувственную Ёсано и стрелой метнулась к выходу. Захлопнув за собой тяжелую бронированную дверь лазарета, она заперла её на все засовы.

Позади раздался оглушительный грохот — Хайтам пытался выбить преграду, — но Элис лишь весело рассмеялась. Работа была сделана.

— У дураков и друзья дураки! На-на-на!

— Ринтаро, я вернулась!

Элис бросила обмякшую Акико на кушетку перед Мори и победно уперла руки в бока, ожидая заслуженной похвалы.

— С тебя пять пирожных! Самых больших!

— Всё, что пожелаешь, моя дорогая, — расплылся в улыбке доктор.

Он бережно устроил спящую Ёсано. В этот момент он в очередной раз похвалил себя за предусмотрительность: как же вовремя он когда-то скрыл истинную суть её способности «Не отдавай, любимый, жизнь свою» от посторонних глаз.

Что ж, если «Бессмертному легиону» суждено прекратить существование, его карьере на политической арене тоже пришёл конец. Пора менять правила игры.

Раз так, нужно уходить. Забрать девчонку и искать счастья в других краях. В конце концов, найдется ли в мире безумец, способный отказаться от столь желанного дара, как «Не отдавай, любимый, жизнь свою»?

Действуя предельно хладнокровно, Мори наспех уничтожил все личные бумаги и разложил по углам заряды взрывчатки. Мощная детонация должна была имитировать внезапную аварию, похоронив под обломками любые улики и скрыв направление их бегства.

Времени катастрофически не хватало, развернуться шире не удавалось. Но этого должно было хватить. На острове Токоями почти не осталось тех, кто мог бы свидетельствовать против него, а выжившие давно повредились умом и не связали бы двух слов.

Завернув Акико в шинель, Мори велел Элис собрать самые ценные вещи. Скрываясь в густых тенях, они беспрепятственно покинули территорию базы через заброшенный подземный лаз.

— Прощайте.

Мори бросил последний взгляд на серые стены базы, похоронившей его амбиции, и кивнул Элис. Та с готовностью нажала на кнопку пульта.

Однако вопреки ожиданиям кругом царила мертвая тишина. Ни взрыва, ни скрежета.

— Прощаться будешь со своей свободой, мерзавец!

Прежде чем Мори успел хоть что-то осознать, обмякшая у него на плече Акико резко выпрямилась. В лицо доктору полетела небольшая металлическая сфера.

С негромким хлопком комнату заволокло плотным едким дымом. Мори закашлялся, глотнув парализующего газа, и мешком рухнул в сухую траву. Кое-как поднявшись на ноги, Акико пошатнулась, преодолевая слабость, и от души пнула распростертое тело доктора мыском ботинка.

— Ну вот и всё. Попался, гад.

На душе впервые за долгое время стало на удивление легко. Человек, который превратил её жизнь в кошмар и утащил на самое дно ада, теперь валялся у её ног. Загнанный в угол, он опустил до банального похищения — и сам же на этом погорел.

— Не беспокойся, всё зафиксировано до единого слова, — раздался ровный, прохладный голос.

Из тени прибрежных зарослей неторопливо вышел Аль-Хайтам. Всё это время он следовал за ними по пятам. Опустив взгляд на распластанного Мори, он заговорил тоном бесстрастного судьи, зачитывающего обвинение.

— Попытка саботажа и подрыва военного объекта, дезертирство, удержание и сокрытие ценного кадра с уникальной эсперской способностью... Полагаю, этого перечня вполне хватит, чтобы ты на долгие годы забыл, как выглядит солнце.

Аль-Хайтам держал в руках терминал, куда были скрупулезно записаны все действия доктора — от минирования базы до попытки похищения Акико Ёсано. Никакие связи в верхах и хитроумные оправдания теперь не спасли бы Мори от трибунала.

К тому же это позволяло официально списать внезапное исчезновение девушки на преступный умысел беглого доктора. И ведь, положа руку на сердце, ни капли лжи в этом не было.

— А теперь что касается тебя, Ёсано. Поздравляю. Ты свободна.

Акико зажмурилась, подставляя лицо теплым, ласковым лучам полуденного солнца. Свежий морской ветер принес запах соли и свободы. Она уже и забыла, каково это — дышать полной грудью, не чувствуя мертвенного запаха пороха и тлена. Горло сдавило спазмом, и к глазам впервые за долгие годы подступили горячие, очищающие слезы.

<http://bllate.org/book/18256/1755668>